

Му Чэнъань потянул Юаньцзина за руку, усаживая рядом с собой, и мягко улыбнулся:

— Не тревожься. Раз уж я решился прийти сюда, значит, мне ничто не грозит. Поверь, вскоре мне и пальцем шевелить не придётся — они сами изведут себя от страха и нетерпения.

Юноша внутренне вздрогнул.

«Кто же это? Первый принц, второй или третий? А может, все трое разом?»

Князь тем временем неспешно наполнил чашу Юаньцзина ароматным чаем:

— Просто наблюдай. Ни один из них не стоит и ломаного гроша, и каждый непременно совершит ошибку. Пусть погрызутся между собой, пока старик тянет с назначением наследника, заставляя сыновей бороться, словно у них глаза стали как у черных кур.

Юаньцзин горько усмехнулся:

— Даже если бы наследник был назначен, это бы их не остановило. Сначала они объединились бы, чтобы свергнуть его, а потом вцепились бы друг другу в глотки.

Он подумал:

«Сцены борьбы за престол слишком часто мелькали в моей памяти из прошлых воплощений. Какой прок в титуле наследника, если тебя могут дважды низвергнуть и дважды возвысить, чтобы в итоге сгноить в темнице до конца дней?»

Му Чэнъань пришёл лишь для того, чтобы увидеть Юаньцзина; короткая беседа с ним всегда наполняла его душу спокойствием. Экипаж сделал широкий круг по городским улицам и наконец замер у ворот дома семьи Тао. Князь долго смотрел вслед юноше, пока тот не скрылся за дверями, и лишь тогда велел трогаться.

Перед расставанием он строго наказал Юаньцзину проявлять крайнюю осторожность. Му Чэнъань пообещал тайно приставить к поместью своих людей для защиты, и тот не стал возражать. Он знал, что это не просто жест доброй воли, а необходимость, ведь на кону стояли жизни его близких.

Прошло две недели. Воздух над столицей, казалось, сгустился, превратившись в натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего прикосновения. Вернувшись со службы, Юаньцзин велел наглухо запереть ворота. Несколькими днями ранее он попросил отца вернуться из загородного поместья: пока сын пропадал в министерстве, дома оставались лишь женщины и

дети, и присутствие Тао Даюна дарило хоть какую-то уверенность.

Бабушка и младшая госпожа Сун не замечали надвигающейся бури, но глава семьи, только ступив на столичные мостовые, сразу почуял неладное. Втайне от женщин он с тревогой спросил сына:

— Юаньцзин, что происходит? Ты ведь не просто так велел мне бросить все дела и запереться дома?

Юноша взглянул на серое небо, затянутое тяжёлыми тучами. Таким же мрачным и беспросветным сейчас был политический небосклон.

— Отец, — вполголоса ответил он, — государь тяжело болен. В его годы он вряд ли продержится долго, а наследник до сих пор не назван. Поэтому...

Мужчина вздрогнул всем телом. Принцы начали открытую борьбу за власть? Юноша накрыл ладонью дрожащую руку отца:

— Не бойтесь. Мы — люди маленькие. Пока мы не высовываем носа за порог, наш дом в безопасности. Главное — не подавайте виду, чтобы не напугать бабушку и маму.

— Да, да... конечно. Я не боюсь, — Тао Даюн изо всех сил старался казаться невозмутимым. Как глава семьи, он понимал, что не имеет права сеять панику.

Этой ночью буря разразилась. Бабушка только успела отойти ко сну, как Юаньцзина встревожил топот копыт за стеной. Выйдя из кабинета, он увидел У И: облачённый в чёрное, тот замер на гребне забора, всматриваясь в сторону императорского дворца. Заметив хозяина, страж бесшумно спрыгнул вниз и вкратце доложил о том, что творится снаружи.

Пока они говорили, во двор выбежал Тао Даюн, который так и не смог сомкнуть глаз. Лишь в этот миг он осознал, что Тао У — вовсе не обычный слуга. От того исходила аура профессионального воина, и в сложившихся обстоятельствах это внушало не страх, а долгожданное чувство защиты.

Отец потянул сына за рукав и прошептал:

— Неужели Тао У и впрямь твой слуга?

У И, чьи чувства были обострены до предела, прекрасно слышал эти слова, но сохранил каменное выражение лица.

«Трудно объяснить? Скорее, не знаешь, как соврать», — бесстрастно подумал он про себя.

Юаньцзин мягко улыбнулся:

— Отец, кроме Тао У, наш дом охраняют и другие люди, скрытые в тени. Мне трудно объяснить всё сейчас, просто знайте: пока они здесь, наша семья в полной безопасности.

«Есть ещё люди?» — Даюн вдруг перестал бояться. Он с любопытством огляделся по сторонам, но в ночной тьме не увидел даже тени. Впрочем, он ни на йоту не сомневался в словах сына. Должно быть, это друзья Юаньцзина прислали помощь. Какой замечательный человек, подумал он, одолжил таких мастеров, чтобы охранять нашу семью. Нужно будет обязательно отблагодарить друга сына, когда всё утихнет.

— Отец, возвращайтесь к маме и Юаньцзэ. Я побуду здесь.

— Хорошо. Но будь осторожен, если что — зови меня, — глава семьи теперь чувствовал себя гораздо спокойнее.

Шум за стенами нарастал. К топоту копыт прибавились лязг стали и крики — у ворот Запретного города столкнулись противоборствующие силы. Тьму то и дело прорезали всполохи факелов. Старая госпожа, чей сон в последние годы стал тревожным, всё же проснулась. Тао Даюн, уже немного пришедший в себя, поспешил к ней и жене, чтобы успокоить их. Несмотря на охвативший её ужас, бабушка проявила стойкость: она понимала, что если сейчас сляжет от удара, это станет тяжким бременем для её внуков. Ради них она обязана была держаться.

Юаньцзин собрал всех слуг в главном зале и не смыкал глаз до глубокой ночи, пока звуки сражения не начали затихать. Родные не замечали этого, но он отчётливо улавливал в ночном воздухе металлический запах крови. Эта ночь унесла немало жизней.

Он лично приготовил успокаивающий отвар и велел всем домочадцам выпить его перед сном. Снадобье подействовало быстро — вскоре даже Тао Даюн забылся тяжёлым сном. Лишь Юаньцзин и У И остались нести вахту во дворе.

Страж с удивлением наблюдал за юношей. Тот, несмотря на искреннюю заботу о близких, ни на мгновение не поддавался панике, что было совершенно нетипично для книжников, которых У И встречал раньше.

— Господин Тао, неужели вас совсем не тревожит то, что происходит за воротами? — не выдержал он.

Юаньцзин лукаво прищурился:

— Разве ты сомневаешься в способностях своего господина?

У И помрачнел. Как он мог сомневаться в силе князя? Но при чём здесь Тао Юаньцзин?

Юноша негромко рассмеялся:

— Я верю, что князь Чжэньбэй со всем справится.

Когда на востоке забрезжил рассвет, над столицей поплыл гулкий, протяжный звон погребального колокола. Юаньцзин и У И обменялись многозначительными взглядами. Император скончался. Это означало, что исход борьбы предрешён.

— У И, ступай разужной подробности. Я останусь в доме и распоряжусь о необходимых приготовлениях.

— Слушаюсь, — страж мгновенно перемахнул через забор. Юаньцзин же велел слугам немедленно убрать все яркие украшения и приготовить траурные одежды.

Старый император действительно ушёл. Юноша задумался: сколько принцев осталось в живых к этому утру? Если Му Чэнъянь решил возвести на трон годовалого младенца и стать регентом, значит, старшие братья ребёнка должны быть устранены. Иначе зачем выбирать самого младшего?

Юаньцзин не считал Му Чэнъяня жестоким. Это была политическая схватка, где на кону стояло выживание: либо ты, либо тебя. Здесь нет места морали, есть лишь победители. И всё же ему не хотелось, чтобы имя его возлюбленного осталось в истории запятнанным кровью и проклятиями. Единственное, чем он мог помочь — это приложить все силы, чтобы в ближайшие десятилетия Великая Ся процветала. Он сделает всё, чтобы правление Му Чэнъяня стало золотым веком в летописях.

К восходу солнца вернулся У И с подробным докладом. Ночью первый, второй и третий принцы одновременно начали действовать. Дворцовые коридоры были буквально залиты кровью. Большая часть схваток произошла между их отрядами, столкнувшимися в борьбе за коридоры власти.

Второй принц погиб в бою, третий остался калеккой, первый отделался лёгкими ранами. Однако четвёртый и пятый принцы, не ожидавшие нападения, были убиты старшими братьями — каждому нанесли по одному смертельному удару. Старый император, увидев это кровавое безумие, скончался на месте от разрыва сердца, не успев оставить последней воли.

Князь Чжэньбэй со своими войсками вмешался в самый критический момент, подавив мятеж. И тогда на сцену вышла императрица, которая прежде казалась лишь бледной тенью в задних покоях дворца. Теперь она, став вдовствующей императрицей, взяла власть в свои руки. Она объявила, что девятый принц будет записан на её имя как законный наследник (ди). Князю Чжэньбэю же было поручено возглавить правительство в качестве регента, пока дитя не достигнет совершеннолетия.

Вдовствующая императрица проявила неожиданную твёрдость, мгновенно усмирив матерей

шестого, седьмого и восьмого принцев, которые уже готовились предъявить свои права. Теперь, когда у трона был законный наследник, их сыновья (шу) не имели ни единого шанса.

Когда князь Чжэньбэй предстал перед двором — полный сил, без малейшего признака недавней «болезни» и во главе преданной армии, — все поняли: их обвели вокруг пальца. Его немощь была лишь искусной маской. Никто не знал, когда именно он и императрица заключили этот союз, но теперь, когда столица и дворец оказались в его стальной хватке, возражать было некому.

Юноша подумал:

«Больше всех, должно быть, негодовал в посмертии сам старший император. Он годами копил подозрения, боялся измены князя Чжэньбэя больше всего на свете, и в итоге своими же действиями загнал его в угол, не оставив иного выбора, кроме как взять власть в свои руки»

К тому времени как семья Тао проснулась, порядок в городе был почти восстановлен. По улицам ещё патрулировали солдаты, но следы ночного хаоса были тщательно стёрты. Народу на улицах было немного: торговцы не решались открывать лавки, опасаясь неопределённости.

Постепенно до людей стали доходить вести из дворца — ровно те, которые Му Чэнъянь желал предать огласке. Говорили, что первый, второй и третий принцы подняли мятеж и убили своих братьев, а несчастный император скончался от горя. Рассказывали о доблестном князе Чжэньбэе, который подавил бунт и, следуя воле императрицы, возвёл на престол маленького государя.

Простые люди, услышав это, вздохнули с облегчением. Князь Чжэньбэй был героем империи, и его присутствие у кормила власти гарантировало, что ни в столице, ни на границах не будет смуты. Для них это означало возвращение к мирной жизни.

Чиновники же пребывали в оцепенении. Всего за одну ночь небо над столицей переменилось. Те, кто знал характер старого императора, понимали: если бы он мог увидеть, как вдовствующая императрица передаёт бразды правления Му Чэнъяню, он бы ожил от ярости, чтобы тут же умереть снова. Старик доверил бы власть кому угодно, но только не ему.

Но теперь дворец и город охраняли люди регента. В совете многие чиновники уже открыто поддерживали князя. Кто бы посмел поднять голос? Кровь на плитах перед дворцом ещё не успели отмыть до конца — кому хотелось расстаться с головой?

Так закончилось многолетнее противостояние императора и князя Чжэньбэя. Победа осталась за последним.

В ту же ночь была проведена чистка среди сторонников павших принцев, поэтому днём смельчаков, готовых выступить против новой власти, почти не нашлось. Их робкие голоса не смогли вызвать даже ряби на воде.

В свой первый рабочий день в качестве регента Му Чэнъянь не только поручил Министерству ритуалов подготовить церемонию коронации, но и усилил надзор за наведением порядка в провинции Цзяннань. Когда он чётко и деловито изложил меры по восстановлению пострадавших районов, даже самые суровые критики замолчали. Он действовал куда эффективнее старого императора и его алчных сыновей. С таким правителем у провинции Цзяннань был шанс быстро оправиться от бедствия.

После похорон императора Министерство ритуалов в спешном порядке занялось подготовкой к воцарению юного государя.

В тот день Юаньцзину впервые довелось увидеть маленького императора. Его держала на руках вдовствующая императрица, пока он принимал поклоны от сотен чиновников.

Юноша подумал:

«Му Чэнъянь, должно быть, давно договорился с императрицей, не имевшей собственных сыновей. Раньше она жила затворницей, почти не подавая голоса, но теперь её статус стал непререкаемым. Как бы ни были влиятельны прежние любимые наложницы, титул императрицы-матери раздавил их амбиции»

Когда над городом поплыл погребальный звон, Му Цзиньсюань, всё ещё изводивший Тао Юйчжу в их уединённом дворе, замер. На его лице отразилось неверие. Такой звон означал лишь одно — смерть императора. Но как это возможно?

— Эй, кто-нибудь! Быстрее сюда! Что творится на улице?!

Тао Юйчжу тоже выбежала во двор, выкрикивая приказы, но сад был надёжно заблокирован людьми Му Чэнъяня. Без его дозволения отсюда не могла вылететь и муха. Обитатели двора могли лишь гадать о происходящем по звукам колоколов, и их сердца наполнялись ледяной тревогой.

Сколько бы калека ни кричал, его люди не могли покинуть поместье, и никто не спешил приносить ему новости. Именно в этот миг им овладел подлинный страх, который был куда сильнее боли в искалеченной ноге.

Слухи уже давно доходили до его ушей, и, помня странное отношение императора к нему, Му Цзиньсюань понимал: сплетни об их родстве, скорее всего, правдивы. Он был принцем, как и сыновья императора. И хотя переход в род Чжэньбэй закрыл ему путь к трону, он всё равно считал себя в безопасности. Наследный титул и командование армией казались ему незыблемым фундаментом.

Он привык пользоваться всеми благами своего положения, привык помыкать даже «отцом», зная, что за его спиной стоит император. Монарх прощал ему всё, словно искупая старую вину. Но что теперь, когда заступника не стало? Сможет ли он и дальше вести себя так вызывающе?

Юноша взглянул на свою неподвижную ногу, и его прошиб холодный пот. Он не знал, кто именно из принцев взял власть, но понимал: никто из них не станет потакать ему так, как покойный государь.

«Нет, шанс ещё есть!» — лихорадочно соображал он. Любой новый правитель будет до смерти бояться военной мощи княжества Чжэньбэй. Император наверняка захочет, чтобы армия вернулась в руки императорского дома. И он, Му Цзиньсюань, — идеальный инструмент для этого. Какой бы принц ни взошёл на трон, он сделает ставку на него, чтобы отобрать власть у Му Чэньяня. Ему нужно лишь дождаться своего часа.

«Да, именно так», — успокаивал себя охваченный тревогой Му Цзиньсюань.

Однако через два дня в его двор всё же доставили известия. Му Чэньянь сделал это намеренно.

— Что?! Девятый принц на троне?! Князь Чжэньбэй — регент?! — закричал Му Цзиньсюань, вцепляясь в одеяло. — Нет! Этого не может быть! Я требую встречи с отцом! Немедленно ведите меня к нему!

Это казалось невыносимым. Князь Чжэньбэй не только не лишился власти, но и стал самым могущественным человеком в государстве. До совершеннолетия девятого принца оставалось больше десяти лет — и все эти годы, пока он жив, он будет полновластным хозяином Великой Ся.

Если бы он только знал... Если бы он только пытался завоевать расположение отца, а не смотрел на него свысока, бегая к императору с каждой просьбой.

Стража передала его слова регенту, и вскоре пришёл сухой ответ:

— Сиди тихо и лечи свои раны. У меня много государственных дел, не досаждай мне своими капризами.

Эти слова, переданные слово в слово, заставили Му Цзиньсюаня в ужасе сжаться на кровати. Му Чэньянь больше не желал даже видеть его. Что, если однажды он решит лишить его и титула наследника?

«Только не это!»

Тао Юйчжу была на грани безумия. В её прошлой жизни князь Чжэньбэй должен был давно погибнуть, но здесь он не только выжил, но и стал регентом. А на троне сидел годовалый ребёнок, который и говорить-то не умел, хотя править должен был третий принц! Весь мир вокруг неё рушился.

Она знала, что между отцом и сыном в резиденции Му не было любви, но, полагаясь на

благосклонность императора к Му Цзиньсюаню, она не принимала Му Чэнъяня в расчёт. Если бы она знала, что он станет регентом, она бы из кожи вон лезла, чтобы угодить ему. Почему в этой жизни всё пошло не так? Тао Юаньцзин приехал в столицу раньше срока и стал таньхуа, ненавистный князь выжил и взял власть, а некогда блистательный Му Цзиньсюань превратился в жалкого калеку.

Мир Тао Юйчжу завертелся перед глазами, и она впервые ощутила леденящий страх перед будущим, которого больше не могла предсказать.

Юноша, следуя наставлениям Му Чэнъяня, выбрал подходящий момент, чтобы рассказать о «цементе» господину Юю, заместителю министра работ и дяде своего друга Юй Сяо. Господин Юй не принадлежал к числу сторонников князя Чжэньбэя, но, в отличие от прежнего министра, был человеком дела и радел за интересы государства.

Увидев возможности нового материала, он сразу понял, какие перспективы это открывает для его карьеры и страны. Чиновник проникся ещё большей симпатией к талантливому другу своего племянника и однажды спешно вызвал его к себе:

— Скорее, Юаньцзин, отправляемся во дворец! Государь и регент желают лично услышать от нас о свойствах этого «цемента».

Юноша понимал: это лишь необходимая формальность, чтобы официально представить изобретение двору. Изначально он хотел передать все права на цемент Му Чэнъяню, не претендуя на славу — в конце концов, он лишь использовал знания будущих поколений.

Однако тот рассудил иначе. Эта заслуга должна принадлежать только Юаньцзину. Народ Великой Ся должен знать имя того, кто спас их от наводнений.

И вот господин Юй представил цемент в тронном зале. Регент публично выразил свою заинтересованность и велел создателю материала лично объяснить его пользу.

Юноша поправил чиновничье платье и, чувствуя на себе взгляды сотен сановников, последовал за господином Юем. Он склонился в поклоне, но едва успел начать опускаться на колени, как его остановил голос — голос Му Чэнъяня, который он узнал бы из тысячи.

— Так это ты — тот самый Таньхуа-лан прошлого года? И впрямь, лицом пригож. Господин Юй доложил, что цемент был создан под твоим началом. Что ж, господин Тао, поведай нам, что это за диво.

Юноша на миг замер.

«Лицом пригож»? — мысленно возмутился он. — Разве прилично говорить такое на официальном приёме?»

Но остальные чиновники не заподозрили неладного. Они помнили выпускные экзамены и то, что юного лауреата выбрал сам покойный император. Прошёл год, юноша повзрослел, возмужал и стал ещё привлекательнее — его облик врезался в память. Если этот цемент действительно так хорош, молодого чиновника ждёт стремительный взлёт.

Юаньцзину ничего не оставалось, кроме как подыграть регенту. Делая вид, что видит его впервые в жизни, он уверенно заговорил. Его чистый, звучный голос разносился под сводами зала, описывая свойства цемента: дороги, которые по твёрдости не уступают камню; дамбы, чья прочность и дешевизна превосходят всё, что было раньше; дома, способные стоять веками. Возможности материала казались безграничными.

<http://bllate.org/book/15835/1504125>